

**Евгений
Александрович
РУСКЕВИЧ,**

профессор кафедры
уголовного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
russkevich@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Пранк и уголовный закон¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого малоизученного в отечественной теории уголовного права явления, как пранк. В условиях цифровизации потребность в осмыслении его правовых последствий значительно возросла. Автор приходит к выводу, что российская наука уголовного права находится на этапе раннего осмысления пранкинга. Единого решения как в части совершенствования уголовного законодательства, так и относительно правил квалификации пранкинга до настоящего времени не выработано. В этих условиях судебно-следственная практика избирательно и весьма противоречиво реагирует на пранкинг путем применения традиционных уголовно-правовых норм об ответственности за хищения, вымогательство, угон, хулиганство и др. С учетом социальной сущности явления в статье сделан вывод, что простого решения насчет криминализации пранкинга не существует. На основе анализа имеющихся точек зрения в науке уголовного права и материалов правоприменительной практики выделяются подходы к уголовно-правовой оценке пранкинга. **Ключевые слова:** пранк, пранкинг, киберпранк, киберпространство, блогер, хулиганство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.126-134

Eugene A. RUSKEVICH,

Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
russkevich@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Prank and Criminal Law

Abstract. The article is devoted to the study of such a little-studied phenomenon in the domestic theory of criminal law as prank. In the context of digitalization, the need to understand its legal consequences has increased significantly. The author comes to the conclusion that the Russian science of criminal law is at the stage of early understanding of pranking. To date, no single solution has been developed both in terms of improving criminal legislation and regarding the rules for qualifying pranking. Under these conditions, judicial investigative practice selectively and very contradictorily reacts

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

to pranking by applying traditional criminal law norms on liability for theft, extortion, theft, hooliganism, etc. Taking into account the social essence of the phenomenon, the article concludes that a simple decision to criminalize pranking does not exist. Based on an analysis of existing points of view in the science of criminal law and materials from law enforcement practice, approaches to the criminal legal assessment of pranking are highlighted.

Keywords: *prank, pranking, cyberprank, cyberspace, blogger, hooliganism.*

Современное общество потребления является одновременно и «обществом впечатлений». День за днем человек стремится к получению новых эмоций, которые заняли совершенно особое место в его жизни. Этому немало способствовала цифровизация. Последняя многое упростила (если не отменила), предоставив небывалые возможности в получении информации. Проживать свою жизнь, непрерывно потребляя новые впечатления, стало такой же потребностью современного homo digitalis, как и хлеб насущный. При этом значительной популярностью у аудитории пользуются материалы, на которых в комичном виде представлены нетипичные формы социального взаимодействия. Неудивительно, что все это привело к появлению такого феномена, как пранкинг.

Необходимо внести ясность в содержание обозначенного явления. Семантическими признаками пранка являются: шутка, хулиганство, провокация ради яркой ответной реакции, средство для провокации различного рода². Изначально о пранке говорили лишь в значении телефонного розыгрыша. Однако с течением времени его смысловое содержание расширилось и усложнялось. И на настоящий момент под пранком следует понимать не столько шалость с использованием средств телефонии, сколько любую шутку или розыгрыш, целью которых является создание материалов для последующего распространения, прежде всего в сети Интернет.

В теории нет единства в понимании социальной сущности пранка. Согласно исследованию Л. Н. Ребриной, языковая репрезентация пранка характеризуется в 75 % случаев нейтрально, в 15 % — с незначительным превалированием положительной оценки (например, гениальный пранк, эталонный пранк), и только в 10 % — с отрицательной оценкой (например, пранк надоел, отомстить за пранк). В целом пранк описывается как нечто веселое, развлекающее, искусное, неординарное, впечатляющее, но, с другой стороны, и как нарушающее нормы и правила, недопустимое, нацеленное на ценное³.

В свою очередь, С. Г. Ватлецов делает категоричный вывод, что «при юридической квалификации деятельности пранкеров целесообразно понимать последнюю как a priori способную наносить неимущественный вред жертве независимо от характера розыгрыша»⁴.

² URL: <https://translate.academic.ru/prank/xx/ru/> (дата обращения: 17.02.2024).

³ Ребрина Л. Н. Издательство и провокация в эпоху лулзов: лексико-семантическая репрезентация коллокациями с ключевыми словами глум, стёб, пранк, троллинг // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 3. С. 226—228.

⁴ Ватлецов С. Г. О пранкинге и пранкерах // Юридический мир. 2018. № 4 (256). С. 51.

А. В. Поливанов также полагает, что пранк следует относить к разряду отрицательной девиации. В обоснование своего вывода автор ссылается на негативную оценку такого поведения со стороны общества⁵.

Здесь надо отметить, что не все уж так однозначно. По данным социологического исследования, проведенного М. А. Мусиновой на территории Хабаровска, из 120 опрошенных респондентов большинство (69 человек) считает необходимым привлекать пранкеров к ответственности. При этом 48 из них полагают достаточным привлечение к административной ответственности за мелкое хулиганство, а 21 допускает задействование механизма уголовной репрессии⁶.

В то же время в литературе отмечается, что пранк — это одно из направлений массовой культуры. При этом *интеллектуальный пранк* направлен на создание информационного повода, в ходе которого решаются актуальные задачи гражданского общества. В системе современных средств массовой информации пранк становится методом интервьюирования с четкими правилами поведения⁷. Тут надо бы представить критерии интеллектуальности пранка, что само по себе создает проблему. Как бы то ни было, думается, что это всегда будет предметом дискуссии.

И. А. Текутьева пишет, что пранк является одним из жанров видеоблогинга, в котором, как правило, реализуется развлекательная функция. Автор также подчеркивает, что пранк может представлять собой социальный эксперимент, в котором героя «ставят в ситуации, где нужно сделать выбор, который будет иллюстрировать его моральные качества»⁸.

Последнее подводит к тому, чтобы отказаться от безусловно запретительной риторики в отношении пранка. Очевидно, что такое поведение представляет собой сложное, крайне противоречивое в социальном отношении явление. Соответственно, здесь не может быть однозначного ответа относительно криминализации.

Сложность определения уголовно-правовых последствий пранкинга во многом обусловлена общей неразработанностью в отечественной доктрине уголовного права проблемы шуток либо розыгрыша. Так уж вышло, что юмору в российском уголовном праве места не нашлось. Многие вопросы, связанные с реализацией уголовной репрессии в случаях пропаганды либо оправдания чего-либо, распространения заведомо ложных сведений, дискредитации, реабилитации и т.п., когда «это не серьезно», а только чтобы позабавить окружающих, до настоящего времени не проявлены и не проработаны на теоретическом уровне.

Конечно же, если обратиться к истории, то вспоминаются печально известные примеры осуждения граждан по ст. 58-10 УК РСФСР за распространение

⁵ Поливанов А. В. Пранк как новая форма девиантного поведения // Алтайский юридический вестник. 2021. № 3 (35). С. 103.

⁶ Мусинова М. А. Особенности юридической квалификации уличного пранка по законодательству Российской Федерации // Молодые ученые — Хабаровскому краю : материалы XXV Краевого конкурса молодых ученых. Хабаровск, 16—20 января 2023 г. Хабаровск, 2023. С. 19.

⁷ Дементьева К. В., Низовкина Е. Н. Пранк как метод интервьюирования в журналистике // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 1. С. 118.

⁸ Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 110.

антисоветских анекдотов. Многие позднее были оправданы и реабилитированы. Логика таких судебных решений в целом сводится к тому, что состав контрреволюционной пропаганды отсутствует, если в высказываниях, антисоветских анекдотах и контрреволюционных стихотворениях не содержалось призывов к свержению или подрыву советской власти⁹.

Тем самым выделяется критерий, относительно достаточный для отграничения юмора от призывов. Вместе с тем пригоден ли он для того, чтобы сделать однозначный вывод об отграничении шутки (сатирического выступления) от той же дискредитации либо реабилитации, сказать уверенно, пожалуй, нельзя.

В современной литературе наблюдается попытка сформулировать правила квалификации конкретных пранков, в том числе с опорой на правоприменительную практику¹⁰. С учетом общей направленности пранка на то, чтобы привлечь внимание и вызвать ответную реакцию общества, наиболее распространенным является предложение о квалификации таких действий, как хулиганство. Так, по мнению Р. Д. Шарапова, пранк, связанный с нарушением общественного порядка, в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицирован как мелкое либо уголовно наказуемое хулиганство¹¹. Известным примером осуждения по ст. 213 УК РФ стало дело в отношении пранкеров, которые своим розыгрышем с якобы большим коронавирусом COVID-19, вызвали панику среди пассажиров, спровоцировали давку, что в целом повлекло дестабилизацию нормальной работы транспорта общего пользования и движения поездов Московского метрополитена¹².

В свою очередь, как мелкое хулиганство по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ были квалифицированы действия лиц, которые решили снять постановочный ролик о грабеже пенсионера на улице. С этой целью один из участников был переодед и загримирован в образ пожилой женщины. В ходе пранка случайные прохожие предприняли активные действия по пресечению изъятия женской сумки, полагая, что происходит настоящее преступление. Примечательно, что загримированный женщиной пранкер в суде ссылаясь на то, что его действия не были направлены на нарушение общественного порядка. Напротив, своим розыгрышем пранкеры хотели показать, что в Тюмени есть равнодушные люди, готовые прийти на помощь¹³. Последние доводы лица, привлекаемого к административной ответственности, остались фактически без рассмотрения.

По мнению А. В. Поливанова, для уголовно-правового противодействия наиболее опасным формам пранка следует дополнить конструкцию ст. 213 УК РФ альтернативным криминообразующим признаком: «...если это деяние совершено по

⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 167п2004пр.

¹⁰ См.: *Аврутин Н. Ю., Фомина Т. Ф.* Пранк — шутка или преступление? // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (22). С. 23—30.

¹¹ *Шарапов Р. Д.* Вопросы квалификации хулиганства // Криминалист. 2020. № 2 (31). С. 58—59.

¹² Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 02.08.2021 по делу № 1-285/2021.

¹³ Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени от 07.10.2021 по делу № 5-6462/2021.

мотивам шутки или розыгрыша»¹⁴. Спорное решение. Непонятно, почему желание пошутить должно возводиться в статус криминообразующего признака. Неужели стремление к веселому восприятию действительности влияет на общественную опасность деяния? Здесь необходимы убедительные аргументы, которые до настоящего времени в теории не представлены.

Вывод о возможности квалификации уличного пранка как хулиганства в целом является верным. Вместе с тем необходимо оговорить одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что мотивация пранкера не всегда может быть наполнена пренебрежением к нормам общежития и стремлением противопоставить себя окружающим. Возможны и исключения, когда, например, розыгрыш имеет признаки социального эксперимента.

Кроме того, пранк может быть приурочен организаторами к какой-либо памятной дате, являться реакцией на какое-то событие, информационный повод и т.п. Здесь необходимые субъективные признаки хулиганства будут отсутствовать, и пранкер может нести ответственность только за причинение иного вреда охраняемым уголовным законом интересам¹⁵. Следует согласиться с мнением Д. А. Марченко, что расширительное толкование норм уголовного закона, в том числе хулиганства, в целях противодействия пранкингу недопустимо и приведет к еще большей неопределенности и проблемам квалификации в правоприменительной практике¹⁶.

В отдельных случаях пранкер стремится не столько привлечь внимание окружающих, сколько разыграть конкретную жертву, создав у нее ложное впечатление о совершаемом преступлении. Если обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, то, пожалуй, наиболее относимыми здесь выступают правила оценки мнимой обороны, согласно которым при ошибке в действительности посягательства никакой необходимой обороны нет, есть оборона мнимая, поскольку и посягательство было лишь кажущимся¹⁷. Здесь уголовно-правовое значение пранка проявляется совершенно в другой плоскости — как возможное основание добросовестного заблуждения лица при мнимой обороне. Вопрос этот уже становился предметом рассмотрения в литературе¹⁸.

¹⁴ *Поливанов А. В.* Пранк как составообразующий признак хулиганства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 64.

¹⁵ Так, например, А. П. Фильченко справедливо пишет о возможности привлечения пранкера к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни по ст. 137 УК РФ в случае, когда в процессе розыгрыша была собрана либо впоследствии распространена информация, составляющая личную либо семейную тайну потерпевшего. См.: *Фильченко А. П.* Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 95.

¹⁶ *Марченко Д. А.* Проблемы регулирования правоотношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Законность. 2021. № 8. С. 54.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». П. 16 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: *Даланов Д. С.* Вопросы квалификации причинения вреда при мнимой обороне в обстоятельствах розыгрыша (пранка) // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С. 109—112.

С учетом указанных выше разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следовало бы допустить, что любая инсценировка совершения преступления не может выступать поводом для того, чтобы сделать положительный вывод о наличии признаков самого преступления. Соответственно, уголовно-правовая оценка деяния, имеющего своей целью создать лишь видимость совершения преступления, не должна вызывать значимых затруднений — фикция не имеет содержания того явления, признаками которого она внешне обладает. Иными словами, «шуточное преступление» — это не преступление.

Однако при более пристальном рассмотрении все выглядит гораздо сложнее. Прежде всего следует признать, что наличие таких побуждений, как желание разыграть окружающих, не всегда влияет на квалификацию деяния. Человеку, свободу которого неправомерно ограничили, не так уж и важно, по каким мотивам это было сделано. Соответственно, пранк с похищением человека содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, во всех случаях. Равным образом это следует признать справедливым и для незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ), нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), угона (ст. 166 УК РФ) и др.

Наиболее известным и неоспоримым примером здесь, конечно же, выступает норма об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Привлечение к уголовной ответственности по данной статье возможно и в том случае, когда виновные стремились лишь позабавиться, развлечься зрелищем паники окружающих.

Именно поэтому, когда, например, лицо решается на розыгрыш с угоном транспортного средства, принимая во внимание безразличность мотивов, по которым такое деяние может осуществляться, нельзя не признать наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Так, утверждения о намерении лишь разыграть своего знакомого, работающего в такси, не повлияли на убеждение суда о наличии в действиях подсудимых признаков состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 166 УК РФ. Сам потерпевший, хотя и не отрицал своих дружеских отношений с виновными, все же пояснил, что, поскольку те были в масках, шуткой их действия не посчитал, угрозы воспринимал как реальные¹⁹.

В. В. Гладилин приводит пример прекращения уголовного преследования по тому основанию, что временное позаимствование (угон мотоцикла) совершалось «с целью шутки»²⁰. Весьма краткое изложение автором обстоятельств дела не позволяет понять саму логику решения и аргументацию суда — прекращение уголовного преследования было реализовано ввиду отсутствия признаков состава угона либо потому, что деяние было признано малозначительным. Думается, что основанным на законе могло быть только второе, поскольку желание пошутить не исключает наличие субъективной стороны при неправомерном завладении транспортным средством.

В то же время есть серьезные сомнения в том, чтобы распространить подобный подход на все ситуации. В особенности это касается составов преступлений,

¹⁹ Приговор Центрального районного суда г. Сочи от 30.04.2019 по делу № 1-233/2019.

²⁰ Гладилин В. В. Временное позаимствование в уголовном праве: вопросы ответственности / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2006.

в которых субъективная сторона предполагает обязательное наличие специальных мотивов и (или) целей совершения деяния. Здесь с учетом современного правоприменения в центре внимания оказываются хищения. Обращение к судебно-следственной практике позволяет обнаружить случаи, где поведение лица было направлено на то, чтобы выполнить действия, внешне похожие на тайное или открытое хищение, однако с целью вызвать реакцию и записать поведение окружающих (потерпевшего, охранника, прохожих и др.).

Так, учащиеся колледжа А. и К. в состоянии алкогольного опьянения просматривали видеоролики в социальной сети «Тик-Ток». На некоторых из них был запечатлен розыгрыш, в ходе которого лицо, демонстрируя предмет, внешне похожий на оружие, подходит на улице к случайному прохожему и требует передать имущество. Занимательными были именно реакции людей, подвергшихся «нападению». Во всех случаях, когда прохожие передавали деньги или иные ценности, розыгрыш всегда заканчивался их возвратом собственнику на месте с извинениями и пояснением, что произошедшее было всего лишь шуткой. А. и К. решили повторить пранк и, увидев ранее неизвестного им молодого человека, используя дверной ключ, по форме напоминавший нож, потребовали у него деньги. Задуманный А. и К. розыгрыш не удался, поскольку прохожий в ответ на их требования попросту убежал. Как в ходе предварительного расследования, так и в суде А. и К. не оспаривали фактических обстоятельств дела, однако настаивали на том, что у них не было умысла на совершение хищения. Несмотря на это, оба были признаны виновными и осуждены за покушение на грабеж группой лиц по предварительному сговору с угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья²¹.

В судебно-следственной практике показания лиц об отсутствии умысла на совершение хищения и о намерении лишь создать развлекательный материал для размещения в сети Интернет, как правило, оцениваются критически²². Так, например, по одному из дел суд указывает: «Довод подсудимого и его защитника о том, что вышеуказанные действия К. являлись розыгрышем, суд находит голословными... ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании К. не представил никаких доказательств того, что все его действия были розыгрышем и засняты на видеокамеру»²³.

Подход судебно-следственных органов понятен и в целом обоснован. Недостаточно сослаться на то, что действия были пранком, необходимы конкретные тому доказательства. И если таковые имеются, подход, связанный с применением норм об ответственности за хищения, представляется уже ошибочным. Как известно, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвратом собственнику. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат

²¹ Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 19.04.2023 по делу № 1-0029/2023.

²² Приговор Троицкого районного суда г. Москвы от 27.06.2022 по делу № 1-103/2022.

²³ Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 02.02.2021 по делу № 1-12/2021.

квалификации по другим статьям УК РФ²⁴. С учетом этого следует сделать вывод, что, если пранкер разыгрывает прохожего, требуя передать ему имущество без намерения оставить его себе либо обратить в пользу третьих лиц, не имея корыстной цели, подобное поведение не может быть квалифицировано как хищение. Лицо может нести ответственность только за тот вред, который фактически был причинен потерпевшему в процессе розыгрыша.

И наконец, важно отметить, что следует различать пранк как способ получения какой-либо информации и последующие действия, которые, хотя и связаны с розыгрышем, но уже имеют самостоятельное значение. В этом отношении показательным является дело в отношении Сергея Давыдова²⁵.

Отечественная доктрина уголовного права, пожалуй, находится лишь на этапе раннего осмысления такого явления, как пранкинг. Единого решения — в части изменения уголовного закона либо относительно правил квалификации — до настоящего времени не выработано. В этих условиях судебно-следственная практика избирательно и противоречиво реагирует на пранкинг путем применения традиционных уголовно-правовых норм об ответственности за хищения, вымогательство, угон, хулиганство и др. В этом отношении имеются веские основания сделать вывод о том, что тема пранкинга в науке уголовного права не потеряет своей актуальности в ближайшей перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аврутин Н. Ю., Фомина Т. Ф.* Пранк — шутка или преступление? // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2023. — № 2 (22). — С. 23—30.
2. *Ватлецов С. Г.* О пранкинге и пранкерах // Юридический мир. — 2018. — № 4 (256). — С. 48—51.
3. *Гладилин В. В.* Временное позаимствование в уголовном праве: вопросы ответственности / под ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2006.
4. *Даланов Д. С.* Вопросы квалификации причинения вреда при мнимой обороне в обстоятельствах розыгрыша (пранка) // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 6 (198). — С. 109—112.
5. *Дементьева К. В., Низовкина Е. Н.* Пранк как метод интервьюирования в журналистике // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 101—122.
6. *Марченко Д. А.* Проблемы регулирования правоотношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Законность. — 2021. — № 8. — С. 53—55.
7. *Мусинова М. А.* Особенности юридической квалификации уличного пранка по законодательству Российской Федерации // Молодые ученые — Хабаров-

²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». П. 7 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Пранкер Сергей Давыдов приговорен к лишению свободы и штрафу // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3314263?ysclid=lfnrzkrce256186257> (дата обращения: 06.03.2024).

- скому краю : материалы XXV Краевого конкурса молодых ученых. Хабаровск, 16—20 января 2023 г. — Хабаровск, 2023. — С. 17—22.
8. *Поливанов А. В.* Пранк как новая форма девиантного поведения // Алтайский юридический вестник. — 2021. — № 3 (35). — С. 98—103.
 9. *Поливанов А. В.* Пранк как составообразующий признак хулиганства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 2 (97). — С. 57—64.
 10. *Ребрина Л. Н.* Издевательство и провокация в эпоху лулзов: лексико-семантическая репрезентация коллокациями с ключевыми словами глум, стёб, пранк, троллинг // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — Т. 13. — № 3. — С. 212—235.
 11. *Текутьева И. А.* Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. — 2016. — № 11. — С. 107—113.
 12. *Фильченко А. П.* Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. — 2021. — № 4 (60). — С. 90—100.
 13. *Шарапов Р. Д.* Вопросы квалификации хулиганства // Криминалист. — 2020. — № 2 (31). — С. 53—59.